

Уроки истории и современность

Александр Орлов

История является мудрым учителем для того, кто не смотрит на нее свысока и готов брать у нее бесплатные и по-своему бесценные уроки. Тот же, кто считает себя уникальным произведением природы, не нуждающимся ни в чьих подсказках и советах, рискует повторить на новом витке ошибки, подобные тем, которые уже были кем-то и когда-то совершены в прошлом и которых вполне можно избежать в настоящем, будь на то желание и воля.

Часто можно услышать, что сослагательное наклонение не для истории. История, мол, на то и история, что являет собой совокупность свершившихся событий, не подлежащих пересмотру. Что правда, то правда! Однако это вовсе не значит, что сам ход известной нам истории был предопределен заранее.

История – во всяком случае когда речь заходит не об эпохах, где элемент объективности и детерминированности, безусловно, выше, а о несколько меньших временных отрезках, выражающихся годами, а в отдельных случаях и десятилетиями, – представляет собой некую сумму конкретных решений и действий вполне определенных личностей или властных группировок, которые могут быть правильными, открывающими для своей страны широкую дорогу развития и процветания, или ошибочными, а то и просто катастрофичными по своим последствиям.

ОРЛОВ Александр Арсеньевич – директор Института международных исследований МГИМО(У) МИД России, профессор. *E-mail:* orlov_a@mgimo.ru

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, Антанта, Австро-Венгрия, Германия, США, Сербия, НАТО, Сирия, Иран, Ближний Восток, региональные и локальные конфликты, гонка вооружений, ПРО.

Тот, кому волею судьбы выпало определять историю, должен помнить о своей ответственности и перед ней, и перед своим народом, и перед человечеством. Уж слишком большие ставки в этой игре!

Как-то так повелось, что каждый новый век – по крайней мере начиная с XVII – выдавался для нашего государства трудным, а то и просто катастрофичным.

В 1612 г., ровно четыре века назад, завершилась длившаяся более десятилетия Смуты, нанеся крайне болезненный удар по неокрепшей российской государственности.

Два первых десятилетия XVIII в. Россия находилась в эпицентре Северной войны, поначалу складывавшейся для нее весьма неудачно.

Не преуспела российская держава и в начале наполеоновских войн, потерпев вместе со своими союзниками по антибонапартовской коалиции ряд чувствительных поражений. Отечественная война 1812 г., двухсотлетняя годовщина которой отмечается в этом году, прежде чем стать победоносной, уготовила России такое тяжелое испытание на прочность, как Бородинская битва и последовавшее за ней занятие Наполеоном Москвы – сердца государства российского.

Драматично для страны складывалось начало XX в. Негативная динамика была задана Русско-японской войной 1904–1905 гг., завершившейся полным фиаско царского правительства. Цусимская катастрофа, потеря Порт-Артура и Дальнего, уступка Японии южной части Сахалина, признание Кореи и Южной Маньчжурии сферой японского влияния стали для России предвестниками еще более тяжелых испытаний уже на фронтах Первой мировой войны.

Россия за свою многовековую историю в крайне редких случаях сама была инициатором войн и конфликтов. Обычно стараниями извне создавались такие условия, когда Россия либо становилась объектом прямой агрессии, либо втягивалась в «чужую» войну в силу союзнических обязательств или иных обстоятельств, которые казались тем, кто принимал решение о запуске военного маховика, имеющими императивное для государства значение. Последующая история, как правило, убедительно подтверждала, что вынужденные войны были изначально вредоносными для России, даже если и не оборачивались для нее необратимыми последствиями.

Но ход истории не подлежит ревизии. На фоне всей бесконечной череды подобных войн есть тем не менее одна, которая, безусловно, затмевает собой все остальные. Это Первая мировая война, определившая алгоритм всемирного развития XX в., в истории которого России суждено было сыграть одну из заглавных ролей, а может быть, даже центральную партию.

Первой мировой войне предшествовала серия, выражаясь современным языком, региональных и локальных конфликтов, в которых будущие главные действующие лица всемирной бойни напрямую не участвовали, но незримо или даже явно присутствовали за кулисами разворачивавшихся событий. Речь прежде всего идет о балканских войнах

1912–1913 гг., в которых был представлен весь «джентльменский набор» региональных (Сербия, Греция, Албания, Македония, Болгария, Черногория, Румыния, Османская империя) и глобальных (Германия, Россия, Австро-Венгрия, Великобритания, Франция, Италия) игроков, хотя последние участвовали косвенно.

Эти в общем-то сравнительно непродолжительные и относительно малокровопролитные конфликты вкупе с дипломатическими маневрами, им сопутствовавшими, создавали в крупных столицах стран Старого Света иллюзию игры в войну, которая разворачивалась где-то очень далеко от гламурного мира (или, точнее, мирка), в котором жила европейская элита, и никак этого мирка не касалась. До поры до времени так, собственно говоря, и было. Реальный мир, в котором солдаты глотали пыль южных грунтовых дорог и убивали друг друга, никак не соприкасался с гламурным мирком, будто бы они находились в разных непересекающихся плоскостях. Относительно быстрый выход из упомянутых региональных конфликтов порождал у правящих верхушек держав Антанты и Тройственного союза, которые всего через несколько месяцев схлестнутся в непримиримой схватке, убежденность в том, что ситуация находится под полным контролем и миру ничего серьезного не угрожает. Подспудно шло привыкание к войне, все больше и больше воспринимаемую как некое приложение к большой политике, в которую играют гроссмейстеры своего дела, что-то вроде заводной игрушки, которую можно включить, а потом выключить.

Первая мировая война на протяжении многих лет представлялась у нас как неизбежная смертельная схватка двух групп империалистических хищников в борьбе за передел уже поделенного мира, на самом деле вовсе не была исторически детерминирована.

Противоречия между хищниками, конечно, были, но отнюдь не такого калибра, которые невозможно было преодолеть мирным путем за столом переговоров, будь на то политическая воля.

В Европе шла игра в маленькие войны, в солдатиков, в коалиции. Однако никто из серьезных политиков в основных европейских столицах, за исключением, конечно, военно-политических шизофреников, которые всегда были, есть и будут, до самого конца всерьез не верил в то, что конфликт, даже если он разразится, будет всеобщим, невиданно кровопролитным, чрезвычайно разрушительным, и продолжительным, затянувшимся не на пару-тройку месяцев, которые, вконец концов, можно будет потерпеть, а на годы.

Напомним, что прологом к войне и ее непосредственным поводом стало убийство в Сараево террористом Гаврилой Принципом по заданию тайного общества «Черная рука», а конкретно его боснийского отделения «Млада Босна», эрцгерцога Австро-Венгрии Франца Фердинанда. Случилось это 28 июня 1914 г. Однако сама война началась не сразу, а только через месяц после этого – 28 июля, когда австро-венгерское правительство по телеграфу уведомило Сербию, ни формально, ни как-то иначе не несшую ответственности за действия террористов, что нахо-

дится с ней в состоянии войны, и приступило к военным действиям.

Чем же занимались великие европейские державы все это время? Они, как обычно, лавировали и маневрировали, причем позиции их не раз менялись.

Российская дипломатия, к примеру, сперва даже особо не озаботилась трагическим инцидентом в Боснии и Герцеговине и продолжала работать в обычном режиме. Сказалось, видимо, то, что Россия к тому времени столько натерпелась от внутренних террористов, что их акции уже не вызывали истерики ни в обществе, ни в кабинетах власти. После получения успокоительного сообщения от посла в Вене в российском министерстве иностранных дел были заняты такими «важными» вещами, как вопрос о четырехпроцентном повышении турецких пошлин, о предоставлении Петербургу места в управлении оттоманского госдолга, о займе Монголии.

Только сигнал, поступивший из Лондона от российского посла А. Бенкендорфа, заставил министра иностранных дел С. Сазонова повнимательнее присмотреться к всплеску антисербских настроений в Австро-Венгрии. Тем не менее, направив 7 июля указания российскому посланнику в Белграде, Сазонов укатил в свое поместье, где пробыл до 18 июля¹.

Невольно в этой связи напрашивается некая историческая параллель с отъездом М. Горбачева в Форос в середине августа 1991 г.

За время отсутствия министра ситуация в Европе заметно обострилась и уже требовала незамедлитель-

ной реакции Петербурга. Встретившись по возвращении в столицу с рядом послов, Сазонов предостерег, в частности, германского посла графа Пурталеса, что если Австро-Венгрия решится «возмутить мир», то ей придется «считаться с Европой»¹. Намек на то, что Россия не останется в стороне от конфликта, более чем прозрачный.

А что же в это время происходило в Вене? Там изначально схлестнулись две силы во власти – «партия войны», первую скрипку в которой играли генералитет и часть дипломатов, считавшая, что представился подходящий случай устранить Сербию как возможного конкурента империи на Балканах, и более умеренная и осторожная группировка, лидером которой был премьер Венгрии, настроенная спустить конфликт на тормозах. Престарелый император колебался. Взоры австро-венгерской элиты в этих условиях устремились на Берлин, от позиции которого во многом зависело, по какому пути пойдет развитие событий. Там же посчитали, что ситуация складывается в благоприятном русле для быстрого развязывания балканского узла в пользу своего стратегического союзника, и дали Вене отмашку на решительные действия. При этом, как и через 27 лет, когда уже нацистская Германия нападет на СССР, в Берлине пришли к заключению, что с войной не следует затягивать, так как Россия пока к ней не готова и, если Петербург решит заступиться за Сербию, то объединенной австро-венгерской и германской военной машине не составит большого труда быстро положить царскую армию на обе лопатки.

В результате 23 июля появился австро-венгерский ультиматум, фактически запустивший «обратный отсчет» времени начала войны. Только после этого в Петербурге, как, впрочем, в Лондоне и Париже, судя по всему, наступило осознание того, что происходившие на европейском политическом полигоне дипломатические маневры с очевидным силовым подтекстом, это уже не шутки и мир реально может сползти к войне. Прочитав утром 24 июля телеграмму из Белграда об ультиматуме, Сазонов воскликнул: «Это европейская война!» О том, что война может быть не только европейской, но и мировой, ему тогда, скорее всего, даже не пришло в голову.

Однако и в этот период война еще не стала неизбежностью. Вплоть до последнего момента и в Берлине, и в Вене надеялись, что в самом худшем случае в войну вступят Россия и, возможно, Франция, но никак не Великобритания, которая все это время делала весьма двусмысленные заявления. Когда же Берлин, наконец, получил от британского премьера ясные разъяснения, как поведет себя Туманный Альбион в случае «большой войны», а случилось это 29 июля, т.е. уже после объявления Австро-Венгрией войны Сербии, то в германской столице началось нечто похожее напанику.

В эти дни стало известно, что Рим и Бухарест не собираются воевать на стороне своих традиционных союзников. В течение всего дня 30 июля германское правительство пыталось повлиять на Вену, побуждая австро-венгров воздержаться от опрометчивых шагов и не форсировать конфликт. Но было уже поздно: война с

Сербией началась и австро-венгерское правительство отклонило предложения Берлина.

Хотя зададимся риторическим вопросом: действительно ли было уже настолько поздно, что остановить события было невозможно? По сравнению с тем, что ожидало европейские народы впереди, маленькая уступка Вены или просто здравый шаг с ее стороны могли бы быть огромным благом для всех.

В России, в свою очередь, весь июль набирала силу патриотическая просербская волна, венцом которой стала объявленная 30 июля всеобщая мобилизация. На следующий день всеобщую мобилизацию объявила и Австро-Венгрия. Одна за другой начали падать расставленные в ряд фишки политического домино. Ничего не добившись от Вены, Германия постаралась в последний момент урезонить Петербург, предъявив ему в полночь 31 июля ультиматум, оформленный в виде ноты, суть которого состояла в том, что если к полудню 1 августа Россия не демобилизуется, то Германия тоже объявит мобилизацию.

Далее события развивались следующим образом. Вечером 1 августа германский посол граф Пурталес вновь наведялся к Сазонову, чтобы выяснить, намерено ли царское правительство дать положительный ответ на ноту о прекращении мобилизации. Сазонов ответил отрицательно, заявив: «Я не могу дать вам иного ответа». «В таком случае, – произнес Пурталес, задыхаясь от волнения, – я должен вручить вам эту ноту». И по ошибке передал Сазонову два варианта ноты с объявлением войны, полученные им из Берлина на случай

возможных вариантов ответа российской стороны¹.

Как все это похоже на волнение другого германского посла – Шуленбурга, когда он утром 22 июня 1941 г. (уже после начала Великой Отечественной войны) вручил В.М. Молотову текст лицемерного заявления правительства нацистской Германии, в котором оно представляло свой преступный акт как «военные контрмеры», якобы вызванные создавшейся «невыносимой угрозой» на германской восточной границе².

Волнения послов, это, конечно, трогательные штрихи дипломатической жизни. Но они несопоставимы с трагедиями планетарного масштаба, к которым относится начало мировых войн.

1 августа 1914 г. Германия приступила к всеобщей мобилизации. Началась русско-германская война. 3 августа Германия объявила войну и Франции. Воронка разраставшегося на глазах конфликта с каждым днем засасывала в свой адский водоворот все новые страны и народы.

И так, Первая мировая война стала реальностью. Однако вновь зададимся вопросом: неужели ее возникновение было неизбежным и все ли сделали творцы «большой политики» той поры, в руках которых находились нити глобального управления, для ее предотвращения? В чем же была ее главная причина?

28-й президент США Томас Вудро Вильсон почти век назад высказал на сей счет свое мнение, которое представляется отнюдь не лишним здравым смыслом: «Все ищут и не находят причину, по которой началась война. Их поиски тщетны, причину эту они не найдут. Война началась не по какой-то одной причине,

война началась по всем причинам сразу».

Действительно, к лету 1914 г. в международных делах той исторической эпохи накопился определенный комплекс проблем, требовавших своего урегулирования. Однако назвать этот комплекс проблем абсолютно уникальным, и тем более неразрешимым, значило бы погрешить против истины. Другое дело, что в момент крайнего обострения противоречий после убийства австро-венгерского эрцгерцога ни одна из европейских держав, игравших на том этапе системообразующую роль в европейской государственно-политической архитектуре, не взяла на себя функцию миротворца и не предложила, как сейчас принято говорить, вариант «дорожной карты», или плана действий по выходу из назревшего глобального кризиса. Во всяком случае собраться всем вместе не после войны, на руинах «старушки» Европы, чтобы договориться о будущем миропорядке, а до того, как в дело пошли пушки и событиями стала управлять логика войны, а не мира, было бы куда лучше для всех участников вселенского побоища.

К сожалению, как показывает опыт истории, взаимная неприязнь, нетерпимость, отсутствие должного чувства ответственности, головокружение от вседозволенности и мнимого ощущения всеислия, личная амбициозность правящих элит зачастую перевешивают доводы здравого смысла и даже естественное чувство страха. Канун Первой мировой войны – наглядное тому подтверждение.

Любая война – это, как правило, фиаско, неудача, поражение и даже крах руководства страны, допустив-

шего ее возникновение. Тем более когда речь идет о войне мировой. Подавляющее большинство тех лиц во главе европейских держав, на долю которых выпало ответственное и, как мы знаем, суровое испытание по определению внешнеполитического курса своих стран перед Первой мировой войной, не справились с этой задачей и были навсегда сметены с арены большой политики «девятым валом» накрывшего мир конфликта. Это по-прежнему актуальный урок для руководящих элит, о котором им не следует забывать.

В свою очередь, политическая карта Европы до и после Первой мировой войны претерпела существенные изменения. Главное из них – с нее исчезли все четыре существовавшие в Старом Свете империи: Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская.

Возможно ли найти некие аналогии между событиями вековой давности и тем, что происходит в наши дни, провести известные исторические параллели?

Начало XXI в., как и XX ознаменовалось большим количеством локально-региональных конфликтов и войн. Причем в нынешнем столетии подобные войны и конфликты отличаются существенно большей интенсивностью и ожесточением, чем век назад. В них напрямую задействованы ведущие западные державы, что заметно повышает градус потенциального риска перерастания локально-регионального конфликта в более масштабную войну.

Сама подоплека локально-региональных конфликтов нашего времени, прежде всего с западным участи-

ем, во всяком случае, в разрезе их пропагандистского обеспечения, естественно, несколько отличается от их предшественников начала XX в. Зачастую на первый план выдвигается такая их мотивировка, как борьба за демократию, права человека, против прогнивших авторитарных режимов и т.д. Хотя, вспомним, освободительные лозунги были в целом характерны и для массовых выступлений, предшествовавших началу Первой мировой войны. Тем не менее как и прежде, альтруистические помыслы и намерения отнюдь не всегда являются той движущей силой, которая побуждает действовать весьма прагматичный и расчетливый Запад.

В наши дни не принято говорить о перераспределении зон военно-политического и экономического влияния в различных регионах мира как о цели той или иной на деле военной, а в пропагандистском обрамлении миротворческой кампании. Но опыт серии войн опять же на Балканах в 90-е годы прошлого века и на Ближнем Востоке уже в наступившем столетии, выстроенные по их итогам системы взаимоотношений, политическая ориентация новых правящих элит стран указанных регионов не оставляют сомнений в том, кому были выгодны произошедшие в тех местах перемены.

Как и век назад, видимым фактором региональной и даже мировой нестабильности является в наши дни терроризм, который после паузы, продолжавшейся большую часть минувшего столетия, вернулся на международную и национальную арены в ином обличье: на смену классическому политическому терроризму

конца XIX – начала XX в. пришел терроризм религиозный, живо воскресивший в массовом сознании европейцев и американцев ставшие уже почти реликтовыми воспоминания о жестоких религиозных войнах, свойственных самым мрачным периодам Средневековья.

Еще одно обстоятельство, прочно связывающее современность с периодом, предшествовавшим Первой мировой войне, – это гонка вооружений, которая стала именно «гонкой» тогда, когда Европа и Северная Америка прочно встали на рельсы индустриального развития. Достигнув своего пика в годы «холодной войны», гонка вооружений после ее завершения явно пошла на убыль и ее полномасштабное возобновление воспринималось в 90-е годы как малореалистичный сюжет, а перспектива ядерной войны – как некий призрак из прошлого. Однако вся логика развития мировых процессов в наступившем столетии, к сожалению, не дает оснований утверждать, что человечество окончательно и бесповоротно перевернуло эту страницу.

Глобальная нестабильность, которая складывается из целого набора весьма тревожных тенденций, с каждым годом объективно усиливается. Самые серьезные негативные последствия, могут иметь, в частности, планы США и их союзников по НАТО по развертыванию системы ПРОв Европе, реализация которых неизбежно будет побуждать Россию к принятию ответных мер.

Какими будут эти меры в их конечной редакции? На этот вопрос сегодня весьма затруднительно дать более или менее конкретный ответ. В данном случае правомерно сказать:

жизнь покажет, т.е. меры будут выстраиваться сообразно тому, как будет складываться реальная ситуация. Но ясно одно: они едва ли ограничатся только военно-технической составляющей, но и, вполне вероятно, могут быть дополнены шагами по улучшению общестратегических позиций России в мире, что предполагает воссоздание в том или ином виде глобальной системы союзнических связей Москвы, противостоящей Западу.

Является ли такой вектор развития желательным? Едва ли.

Отход от блокового мышления был и остается важнейшим императивом во всей сложной совокупности отношений России с Западом. Это, в свою очередь, предполагает формирование платформы равноправного сотрудничества между ними. Если этого сделано не будет и будет продолжаться навязывание Москве изрядно обветшалой формулы взаимодействия с Западом, которую условно можно было бы сформулировать так: *будьте частью нашей команды, но без права на собственное мнение, и мы будем с вами дружить; если же ваши интересы расходятся с нашими и вы их к тому же намерены защищать, то пеняйте на себя*, – ничего путного из этого не получится.

Москве так или иначе придется искать альтернативные пути отстаивания своих национальных интересов, что неизбежно будет вести к возникновению ситуации противостояния. Но это не наш выбор.

Ярким примером «нестыковки» позиций России и Запада является ситуация вокруг Сирии. На момент написания этой статьи оконча-

тельная развязка в этой стране не наступила. Однако, по ощущениям, она не за горами.

Против «авторитарного» режима президента Б.Асада выступает мощная, но исключительно разношерстная по своему составу международная группировка «игроков», само формирование которой является неким курьезом в истории современных международных отношений. В нее входят:

- лидеры «демократического Запада» – США и их союзники по НАТО;
- средневековые арабские монархии;

- новые ближневосточные и североафриканские «демократии», где доминируют исламисты, для которых стандарты самой представительной демократии вполне могут оказаться неким нонсенсом, который надо просто перетерпеть;

- причудливый конгломерат антиасадовских сил внутри Сирии, объединенных западными политиками и обслуживающими их интересы СМИ под одним благопристойным лейблом «повстанцы», в число которых попали боевики из «Аль-Каиды» и другие наемники.

Сплачивает всю эту экзотическую коалицию одно – близкое к маниакальному стремление отстранить от власти Асада и его группировку и заменить ее на другую. Но на какую? На этот вопрос каждый из коалиционеров отвечает по-разному, и здесь их интересы кардинально расходятся. Причем, рассуждая о демократии, правах человека, гуманитарном праве и т.д., «демократический Запад» одновременно последовательно добивается осуществления своих долгосрочных интересов, которые име-

ют вполне очевидные стратегическую, военно-политическую и экономическую составляющие.

Надо признать, что Западу в сирийском вопросе удалось мобилизовать под свои знамена значительное число государств – членов ООН, весьма поверхностно, на основе заданного шаблона разбирающихся в сложившейся ситуации, которыми поэтому легко манипулировать. Эти страны умело используются кукловодами сирийского кризиса в качестве важного элемента пропагандистского «кривого зеркала», призванного рисовать перед мировым общественным мнением крайне однобокую, примитивную, состоящую всего из двух цветов – белого и черного – картину.

Требование о необходимости большей демократии для Сирии в принципе вполне справедливое, и никто с этим не спорит. Но когда на этом настаивают некоторые «большие друзья» США и Запада в ближневосточном регионе, которые вообще не знают, что это такое, согласиться, звучит это как-то нелепо.

А как быть в этой ситуации России?

Неужели она должна быть участницей этой военно-политической и пропагандистской буффонады, равно как и других подобных сомнительных «сценариев», финальную часть которых мы могли видеть во всей их жутковатой «красе» чуть ли не в режиме онлайн еще совсем недавно в Ливии?

Убежден, что для нас это неприемлемо по целому ряду причин, включая и политическую, и моральную. Если бы Запад проявил подлинное желание помочь сирийскому народу

создать более совершенное общество, основанное на принципах реальной демократии, содействовал бы налаживанию продуктивного внутрисирийского диалога, он безусловно нашел бы в лице России конструктивного партнера.

Б.Асад и его окружение – это не какие-то кровавые маньяки, как хотел бы изобразить их западный агитпроп, а вполне цивилизованные, вменяемые люди, вынужденные действовать в условиях крайне жесткой конфронтации, навязанной им внутренними и внешними противниками режима. Цветущая в недавнем прошлом Сирия, стабильно развивавшаяся на протяжении десятилетий и являвшаяся – если уж отказаться от «политкорректного» лукавства и говорить честно, – одной из самых (если не самой!) передовых стран Ближневосточного региона, рискует сегодня сорваться в Средневековье, сопряженное с тотальным наступлением обскурантизма, который, как показывает опыт многих стран, быстро просачивается и заполняет все поры общества. Причем даже тогда, когда государственный фасад выглядит «приближающимся к демократическому».

Сирийская драма, как бы она ни завершилась, убедительно демонстрирует, что и в XXI в. могут возникать ситуации, когда в целом периферийный локально-региональный конфликт способен концентрировать на себе всеобщее внимание, серьезно разделять мировое сообщество и ставить в разные углы политического ринга постоянных членов Совета Безопасности ООН. В противовес западной «тройке» постоянных

членов СБ, для которой не существует иных оценок, кроме собственных, сложился российско-китайский альянс, действующий согласованно на всем протяжении этого конфликта. Ничего подобного прежде не было. Возможно, на наших глазах формируется новый, весьма существенный фактор современных международных отношений, значение и перспективы которого на данном этапе трудно оценить в полной мере. В этой связи, с одной стороны, можно говорить о том, что мир все больше теряет свою моноцентричность, становясь по-настоящему многополярным. И это, безусловно, хорошо. Но, с другой – размывается принцип согласованности действий постоянных членов Совета Безопасности, который лежит в основе всей конструкции ООН. И это – плохо. Когда в рамках «большой ооновской пятерки» долго не удастся достичь согласия, это является недвусмысленным сигналом о том, что в международных делах не все в порядке.

Сирийский кризис на какое-то время затмил собой другой, объективно более сложный и опасный для международной безопасности конфликтный узел – иранский. Однако вполне вероятно, что, как только в Сирии наступит развязка, иранская ситуация вернет себе малоприятную славу эпицентра мировой напряженности.

Думается, не стоит выписывать в этой статье стандартную для политологов-прогнозистов картину будущего, включающую три возможных сценария – позитивный, негативный и что-то среднее между ними, поскольку несложно предположить наиболее вероятный из них. Речь

идет о повторении сирийского сюжета, только на значительно более высоком конфронтационном витке, предполагающем сочленение гораздо более сложного и многообразного набора различных факторов, рисков и угроз. Уже какое-то время открыто обсуждается возможность превентивного удара по иранским ядерным объектам, без обиняков поддержанная лидером Республиканской партии США, который через несколько месяцев может стать главой этого государства.

Но это еще не предел в воинственной риторике. Не секрет, что на Западе уже сформировался «кружок» энтузиастов бредовой идеи организации крупного международного военно-политического конфликта как лучшего средства для выхода из изрядно затянувшейся финансово-экономической рецессии, поразившей прежде всего развитые государства Европы и Северной Америки.

Как и век назад, Россия сегодня вынуждена решать в новых условиях извечную для себя задачу: как сохранить свое лицо и отстоять свои национальные интересы. Пока ситуация в мире не вышла из-под контроля.

Но это не значит, что негативный сценарий невозможен в принципе.

Еще раз подчеркну: сто лет назад никто из серьезных политиков не верил в саму возможность мировой войны. Но она разразилась, перевернув все устои того мира и навязав ему свою логику. Тот урок не должен остаться уделом лишь добросовестных ученых. Уж слишком он актуален для наших дней.

PS. Сирийская драма явно затягивается, и дела идут не так, как изначально планировал Запад. При этом в «штабах мысли» США и их союзников все отчетливее понимают, какие силы могут прийти к власти в Сирии при их поддержке.

Риск повторения Западом катастрофической афганской ошибки, когда американские спецслужбы своими руками слепили боевой авангард мирового исламского фундаментализма, крайне велик. Тем не менее «политическое решение» свалить режим Асада любыми средствами в Вашингтоне не обсуждается.

В этой ситуации США и их союзникам потребуется установить в Сирии оккупационный режим, чтобы получить время на подготовку будущего «демократического ядра» этой страны.

Нужно отдать должное западной пропагандистской системе, включающей широкий набор звеньев – от спецслужб до представителей экспертного и научного сообщества, которая уже давно и прочно внедрила в массовое сознание тезис о том, что демократия (и, соответственно, приверженные ей государства) миролюбива и неагрессивна по своей сути и только реагирует на угрозы.

Этот постулат всегда был спорным, но в наше время его вообще едва ли возможно рассматривать всерьез. В международных отношениях все стало настолько сложным, противоречивым и запутанным, что прежние штампы уже не работают. Зададимся вопросом: остаются ли «вечно хорошие» таковыми и в наши дни, или этот их статус – уже давно иллюзия? Ответом на этот вопрос могут быть только конкретные дела, реальная политика, а не пафосные словеса и «крокодиловы» слезы.

Сделать это возможно будет только через проведение полномасштабной операции НАТО. СБ ООН никогда таких действий не санкционирует: прогнозируемое вето России и Китая Западу преодолеть не удастся.

Остается действовать через механизмы Североатлантического договора, ст. 5 которого предполагает помощь участнику, подвергшемуся нападению. В этом сценарии незаменимая роль отводится Турции, которая вполне может сыграть роль «объекта» нападения. Лучшего повода для вмешательства НАТО и не придумаешь. А дальше все пойдет по трафарету, отработанному в бывшей Югославии, Ираке и т.д.

Россия в этих условиях должна действовать твердо, но предельно осмотрительно, и играть по своей, а не чужой партитуре. «Люди ...! Будьте бдительны!» – взывал в свое время выдающийся чехословацкий антифашист Юлиус Фучек. Эти слова сегодня вновь очень актуальны.

Примечания

- ¹ История дипломатии. Дипломатия в Новое время 1871–1914. М.: Госполитиздат, 1963. Т. II. С. 785, 785–786, 795.
- ² История дипломатии. Дипломатия в годы Второй мировой войны. М.: Политиздат, 1975. Т. IV. С. 181.